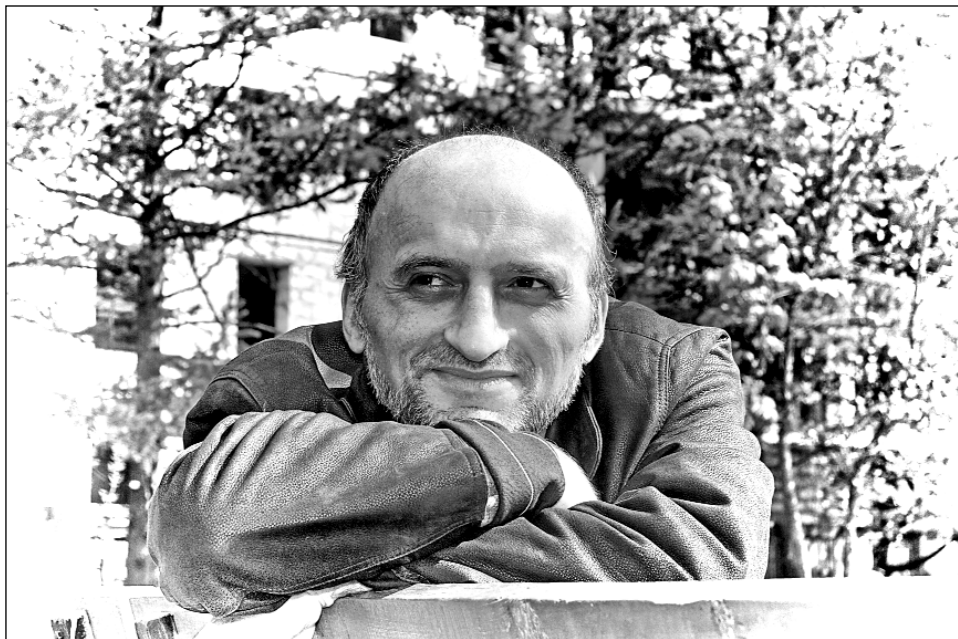

Духовные ценности

Его особый мир, созданный талантливым воображением

Художественный мир Лери МАЧАЛАДЗЕ очень декоративен и красочен — его картины дарят праздник и надолго запечатлеваются в памяти, вызывая желание еще раз вернуться к ним, чтобы испытать на себе чудесное воздействие необычайно ярких живописных образов. Похоже, его картины пробуждают бессознательные воспоминания о собственном детском вос-

приятии окружающего мира, полного необычных звуков и чистых красок без полутонов. Так детская рука, выводящая на листке бумаги свои первые рисунки, выбирает только основные цвета из богатейшей палитры красок. Значит, встреча с творчеством художника Мачаладзе означает возвращение к началу своей жизни, делая невозможное возможным.

Лери ненадолго задумывается над моим первым вопросом:

— Откуда у вас талант живописца?

— Наверное, от бабушки. Он не был человеком творческой профессии, но жизнерадостность, вкус к жизни — это точно от него.

— А когда вы почувствовали тягу к кисти?

— Увидел первые удачные опыты брата, который ходил в школьный кружок рисования, и тоже решил попробовать.

Как это нередко случается, его дальнейшую жизнь определила встреча, вероятно, записанная в Книге судеб человеческих задолго до рождения художника. В обычном школьном кружке учил детей рисованию Заур Циташили, замечательный скульптор с академическим образованием и редким чутьем на таланты. Среди своих воспитанников он сразу выделял самых способных и именно к ним был особенно строг и требователен, побуждая добиваться успехов трудом и упорством, не навязывая им при этом своих принципов, а лишь умело развивая их особенный творческий взгляд на мир.

Уже ранние школьные работы Лери Мачаладзе получили признание: на детском художественном конкурсе в Японии они были отмечены наградой организаторов. Старт, таким образом, оказался удачным. По совету своего замечательного педагога он поступил в художественное училище в родном городе, которое, без преувеличения, можно назвать alma mater многих грузинских художников.

Кутаиси, видимо, задел своим крылом ангел небесный, любясь в полете горами Кавказа, и с тех пор этот город не только рождает художников — живописцев и графиков, но и притягивает их к себе. Испытал чудесное воздействие этого города и Нико Пиросмани — удивительный грузинский художник-самоучка, которого теперь знает весь мир. В храме 12 века, сохранившемся до сих пор, он копировал старинные фрески, и многие его работы духовно связаны с этим местом.

— Какой он, Кутаиси, город с такой сильной творческой аурой?

— Город стоит на возвышении, ведь в старину храмы строили на высоком месте. Оттуда открывается изумительный вид на Колхидскую долину. Фантастические по красоте холмистые пейзажи — сами по себе неиссякаемый источник для творчества.

Художник, выросший среди царственно красивой природы, щедро одаренной южными красками, конечно же на всю жизнь сохранил особое восприятие мира, в котором нет места приглушенным тонам — его картины полны света и полноцветья, они пробуждают радость

жизни, дарят южное тепло и солнце, которого так не хватает нам, северным жителям.

— Вот удивительно, Лери, вы столько лет в Петербурге, любите этот город, а он так и не повлиял на ваше творчество. Где наши серенькие краски? Где северные питерские пейзажи?

— Ну и что, — темпераментно протестует Лери. — У Филонова, моего любимого художника, тоже нет Питера. Вообще, я делал много питерских пейзажей на заказ, но вижу этот город чуждым.

Жена Лери — Лена — со смехом рассказывает: «Однажды он нарисовал картину: яркая такая, много зеленого и красного, и подпись «Бело-остров. Дача». Только по названию поняла, что это наша дача-развалюха — на картине её и не узнать». Значит, на холсте художник запечатлел не саму дачу, а её образ, сохранившийся в его памяти и причудливо трансформированный воображением.

— Конечно, — говорит Лери, — этот город накладывает отпечаток на творчество художника. Мне было нелегко удержаться от его воздействия. Питер — город-фантом. Если ты попал под его влияние, то уже навсегда. Я знаю многих городских пейзажистов, людей талантливых, которых засосала фантомность Петербурга. То, за чем они гонятся, не существует. Есть фасад города, а за ним кроется депрессия, поэтому многие из талантливых питерских художников спились.

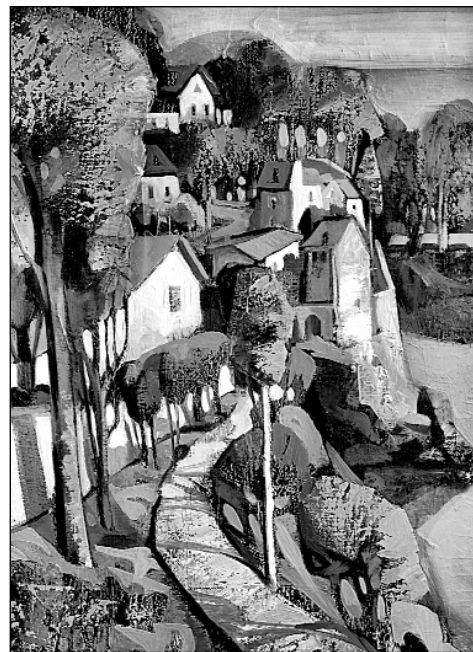
— Любимые сюжеты у вас есть?

— Скорее всего, абстрактные, где вечный поиск, где значение того, что пишешь, не существенно. Над фигуративными сюжетами или пейзажем нужно думать. Когда делаешь абстракцию, сам не знаешь, куда идешь, доверяя собственному воображению, и получается то, что рассудок обычно не позволяет изобразить. В трудные времена, лет 10 — 15 назад, я писал много абстрактных работ без всякой надежды выставить их или найти покупателя, просто для себя самого. Не раз возникала мысль: а не выбросить ли их все? Стоят в углу, пылятся. Но однажды в дом пришел незнакомый человек и купил семь моих абстракций, и только потом я узнал, что он увез их в Америку. Эти деньги помогли нам тогда выжить.

— А много ваших картин ушло за границу?

— Абстракции — все.

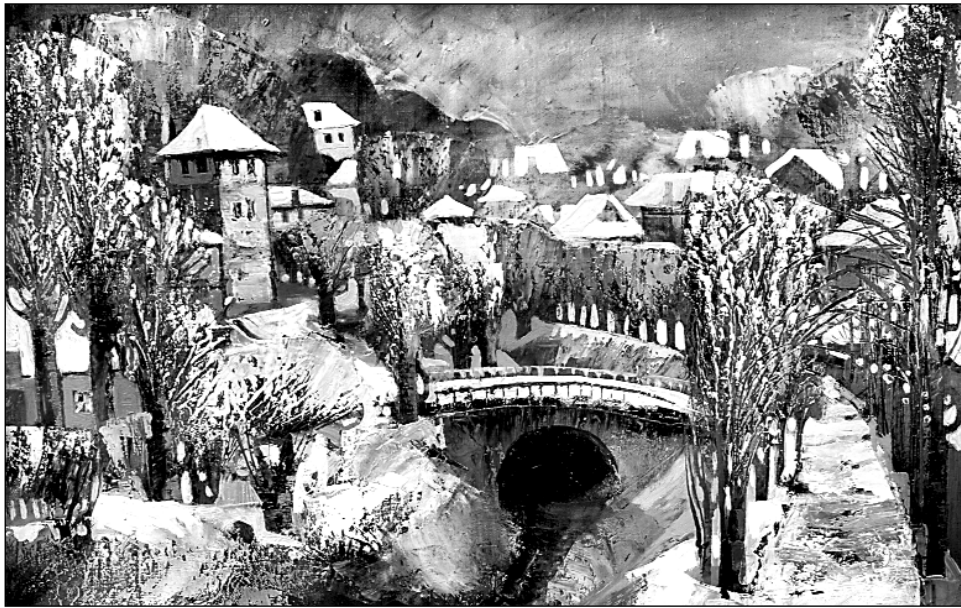
Работы Лери Мачаладзе находятся в частных коллекциях в России, Голландии, Франции, Германии, США, Австралии, Италии. Во Всеволожске их можно увидеть, пожалуй, только в художественном салоне «Венец» на улице Межевой, где

— Как дизайн наложился на вашу живопись?

— Думаю, никак. Я изучал дизайн, но продолжал работать как живописец. В противоречии человек растёт. Использовал то, что хотел: хорошую литературу, преподавательский состав — все возможности, которые дал институт. Это была очень хорошая школа. Я понял, что многое могу делать в дизайне, но работать в этом направлении сложно, и многие из моих сокурсников, выбрав дизайн как профессию, «сгорели». Здесь дизайнеры, у которых нет образования, пробиваются быстрее, чем те, которые учились этому в институте.

Несмотря на то, что Лери Мачаладзе посвятил жизнь живописи, он прекрасный арт-дизайнер, хорошо зарекомендовавший себя в Петер-

бурге. Художник участвовал в оформлении Ленинградского Дворца молодежи, раскрученного «Котин-клуба» и кафе «Кэтино» на Васильевском острове. С этим местом связана примечательная история. В «Кэтино» во время саммита обедала жена американского президента Барбара Буш. Увидев на стене грузинский пейзаж Мачаладзе, она приобрела эту картину. На Невском проспекте есть грузинское кафе «Сакартвелло» — его легко можно найти, если идти к Адмиралтейству, по картине нашего замечательного художника.

В Санкт-Петербурге его работы неоднократно экспонировались на различных выставках, в том числе, и персональных, в частности в 2003 году — в Центральном Доме художника.

Особенно хороши его пейзажи, выполненные в стиле неоекспрессионизма, хотя это не единственное направление, в котором он работает. Некоторые из его картин, помещенные на интернет-сайте «Арт-галерея», можно найти и в разделе «Импрессионизм». Лери Мачаладзе не задумывается над собственным стилем, он просто вдохновенно и очень талантливо создает все новые и новые сюжеты, в которых мир предстает по-особенному выразительным.

Сам Лери утверждает, что у него нет стиля: «Художник — это инструмент, фактуры душа требует, и от настроения тоже многое зависит».

В своем творчестве он многолик и разнообразен, но есть во всех его работах то неуловимое, что позволяет безошибочно отличить их от картин других художников. Вероятно, это особый национальный колорит, который проступает через все культурные наслоения, наложенные хорошим петербургским образованием.

Лери Мачаладзе закончил Высшее художественно-промышленное училище им. Мухомой, где специализировался по архитектурному дизайну.

— Меня всегда интересует момент творческого озарения. Как это происходит у вас?

— Это можно сравнить с фильмами Курасавы: вначале панорама — японский режиссер ведь же художник, потом изображение детализируется, начиная с мимики и заканчивая одеждой героев. Построение кадра у него — просто чудо. Спокойное, размытое состояние мгновенно меняется на глазах, переходя к активному, яркому. Это очень похоже на то, что испытываю я в момент творческого озарения.

Яркие, экспрессивные картины Лери Мачаладзе — это не просто его особый мир, созданный талантливым воображением. Они вовлекают своего зрителя в сотворчество, открывая у него внутреннее зрение и позволяя увидеть хорошо знакомые реалии в новом свете. В этом, наверное, и заключается чудо настоящего творчества.

Нина УСТИЧЕВА

Фото Александра КРЫЛОВА